

The background of the cover is a black and white photograph. On the left, a young woman with long, dark hair looks directly at the camera with a neutral expression. On the right, an elderly woman with deeply wrinkled skin and hair looks slightly away from the camera. The two faces are separated by a vertical, ethereal light mist that runs down the center of the image.

Привет, Яга!

книга 2

Анна Константинова

16+

Анна Константинова
Привет, Яга! – 2
Серия «Привет, Яга!», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64911483

SelfPub; 2023

Аннотация

Думаете, Баба-Яга – это такая старуха с костяной ногой? Я тоже раньше так думала. Оказалось, что Яга – древний СТРАЖ ГРАНИЦЫ, а ее избушка – настоящая «таможня» между Тем миром и Этим. Откуда я знаю? – в один прекрасный вечерок на эту роль назначили почему-то МЕНЯ – обычную студентку, даже не отличницу (если честно, совсем не отличницу). До сих пор не понимаю, почему, – мне вообще-то всегда больше принцессы нравились. Однако дареным избушкам под крыльцо не смотрят, пришлось выкручиваться.

Во второй части трилогии рассказ ведется от лица двух главных героев попеременно. Мир всегда глубже, чем нам кажется...

Содержание

Глава 1. После крушения	4
Глава 2. Друзья – почти живые и мёртвые	26
Глава 3. Страх неведомого	47
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анна Константинова

Привет, Яга! – 2

Глава 1. После крушения

«Такова уж человеческая натура: мы никогда не видим своего положения в истинном свете, пока не изведем на опыте положения еще худшего, и никогда не ценим тех благ, какими обладаем, пока не лишимся их.»

Даниэль Дефо, Робинзон Крузо

Я открыл глаза. Черное Солнце уже свалилось за горизонт, поэтому можно было выбирать. Сегодня будет много работы. Гады почти разобрали первую стену, а я даже не услышал, слишком погрузился в себя. Надо быть осторожнее, нежити нагледят с каждым днем.

Я обошел блиндаж кругом, как делал всегда. Первая часть ночи обычно уходила на то, чтобы поправить разрушенное. Это было важно. Важнее всего остального.

Закидать назад доски, растащенные гадами за день. Укрепить стену номер два и поправить внешнюю границу – узкую линию обломков, выложенных вокруг по земле. Она не сильно защищала, но давала небольшой выигрыш во времени – гады научились растаскивать их на второй или третий день,

но я все равно каждый раз восстанавливал первый оборонный рубеж. Подумывал о втором...

Гадов, проходящих каждый день из леса, я про себя называл Гансами. Так было привычнее. Враги они враги и есть, на какой бы стороне ты ни находился. Тот, кто хочет тебя сожрать – это точно враг. С этим хотя бы непоняток не возникало.

Я застрял на Темной Стороне в самом конце Черного Дня. Прибежал назад, когда все уже было кончено, и увидел обломки избушки. Ночь прошла как-то сумбурно, зато рассвет сразу расставил все по местам. С первыми же лучами из леса потянулась нежить, пришлось быстро от нее прятаться.

К моему счастью, избушка обрушилась «шатром». Толстые, черные от времени бревна переломились как спички, но все-таки держали сами себя. Это было спасением. Под ними нашлось местечко, – достаточное, чтобы один взрослый мужик мог заползти, как червяк, и спрятаться. От всего. От целого мира, который почему-то упорно пытался до него добраться.

Весь первый день вокруг меня бродили давно мертвые животные и выли на разные голоса. Затем к ним подтянулись другие, вроде как люди... Гансы проклятые! Я затаился. Единственной удачей стало то, что бревна и доски сохранили способность удерживать нежить. Избушка, даже разрушенная, давала мне защиту. Гансы не могли толком прикоснуться к обломкам. В первый день попробовали, но запища-

ли и сразу разбежались. Потом, конечно, вернулись. Теперь они стали хитрее, пробовали растащить завал, не прикасаясь к доскам, и у них получалось все лучше. Как только они научатся это делать, мне хана, чего уж тут говорить. Но пока мое укрытие и я держались.

На вторую ночь я укрепил, как мог, эти обломки, чтобы они мне на голову не рухнули, расширил свое жизненное пространство внутри, позатыкал самые большие дыры. Теперь я именовал останки нашей избушки блиндажом и каждый день прятался от Черного Солнца и тех, что приходили вместе с ним. А каждую ночь затем выбирался из своей норы и чинил жилище заново.

Я посидел немного у входа. С каждым черным рассветом силы уходили. Не слишком быстро, но ощутимо. Похоже, Гансы знают об этом, поэтому каждый день заставляют меня делать все большую работу. Ну да ничего, у меня еще была в запасе пара мыслей, как тут подольше продержаться. Правда, я заменил бы их все на одну-единственную подсказку, как отсюда выбраться.

Я встал и пошел своим обычным путем в лес. Ходить каждую ночь к Древу было бессмысленно, но надо было делать хоть что-то. Я еще не потерял надежду, что «Мировой столп» поможет мне найти решение. Пока, правда, толку от него было мало.

В первые дни Великое Дерево так разозлило меня беспо-

лезными ответами, что я всерьез начал обдумывать, не из его ли древесины строилась когда-то моя... наша избушка. Это казалось логичным. От решительных действий меня останавливали несколько соображений: во-первых, пускать Древо под топор было страшным кощунством, я не мог даже вообразить последствия такого преступления... а во-вторых, у меня не было топора.

Но пока я разыскивал хоть что-нибудь рубящее, меня посетило соображение номер три: валяясь под обломками старого домика и слушая хрюканье Гансов, было время сообразить, что ушло на эту постройку явно не одно дерево... Ну, может, если только смастерить маленькую избушку. Избушечку. Будку. Лифт – с Того света на Этот. Может, сработает? Пока идею с древоповалом я оставил на самый крайний случай. Зато у меня наметилось занятие на случай собственного помешательства – тоже неплохо.

По пути я начал отсчитывать шаги от первой границы блиндажа до Пенька. Вышло девять. Плохо. Очень плохо. Долбаная деревяшка, мертвая уже давным-давно, да и при жизни не сильно бегучая, как-то двигалась ко мне – медленно, неуклонно. Как с этим бороться, я пока еще не придумал. До сих пор он полз со скоростью три шага за день, и у меня оставалось еще ночи три на раздумья, но сейчас мерзавец осилил четыре шага. Считать пока не хотелось. Может все-таки удастся в лесу найти хоть одного Ганса и пришибить, пока он спит? Хотя, наверное, это бессмысленно. Не могу же

я воевать со всей Обратной Стороной!

Древо мигало огоньками, будто елка со свечками на Новый год. Сегодня особенно ярко. Я сел спиной к стволу. Оно делилось со мной энергией, сколько могло, но много взять не получалось – я ж не упырь-светоед.

– *Привет, помощник Яги!*

– Я уже не помощник, ты же знаешь.

– *Никто не перестает быть помощником только оттого, что не может помогать...*

Имя моей хозяйки опять вызвало боль, но это была нормальная плата, я отдавал ее каждый день за маленькую радость услышать что-то кроме воя Гансов.

Древо как всегда пошелестело и кинуло мне в руки плоды. Оно чувствовало мой голод и просто хотело накормить. Но я не мог принять этой помощи. Откушу разок – и все, Обратная Сторона станет моим домом.

Яблоки выглядели все лучше, с каждой ночью становились на вид не такими сморщенными и сухими. Это было плохо. Значит Обратная Сторона все больше принимала меня в свои мягкие прохладные объятия. Я ушел от них когда-то давно, да вот, видать, пришла пора возвращаться.

Не дослушав шелест, я вскочил и пошагал назад. Надо было проверить блиндаж еще раз перед Черным Днем. Интересно, сухари сушили «на черный день» – именно это имели в виду? Хотя, чего это я, какие сухари? Все остатки еды цивилизованные люди уже давно выбрасывают. Раньше хо-

тя бы скотине отдавали, а теперь даже кошечкам и собачкам жрачку покупают в красивых упаковках, а остатки потом тоже выбрасывают.

Почему-то вспомнился мой солдатский паек, почти семьдесят лет назад это было... Недолго я на нем пожил, но сосущее чувство голода помнил до сих пор. Примерно такое же, как сейчас. Хотя нет, тогда было хуже. Значит держимся, пехота! Мне вообще тут все время казалось, будто я опять на фронте. Только Гансы лезли четко днем. Это было удобно.

Я слишком засиделся у Древа. Луна сегодня скатывалась за горизонт как будто быстрее. Первые темные лучи уже пожирали небо с одной стороны. Серовато-желтый свет потихоньку заливал лес. Тот в ответ вздыхал и просыпался. Я прибавил шаг. Зря так засиделся, расслабился. Это нормально, конечно. Каждый страх со временем становится привычным. Вот я даже к Гансам привык. Скоро попрут. Пора домой.

Уже подбегая к своему шалашу, я заметил у третьей стены какое-то движение. Гады уже и в сумерки начали выбираться? Это была самая плохая новость из всех. Если они начнут бродить под светом луны, долго мне не продержаться. Без поправки они растащат блиндаж по доскам, по бревнышкам, за пару дней, и тогда мне хана.

Тень промелькнула еще раз, ближе ко входу. Отверстие я никогда ночью не закрывал – нужды не было, а вот поди ж

ты! Я прибавил скорости, сколько мог. Тень еще раз показалась, теперь прямо над дырой, служившей мне дверью. Может все-таки не может войти без приглашения? Войти они не могут, поэтому просто разбирают дом. Нет жилища – не надо правила соблюдать. А законы гостеприимства – святые, даже здесь их, похоже, чтут.

Я надеялся на это, поэтому хижину свою защитил в первую же ночь по всем правилам. Обошел сначала кругом, обложил границу небольшими камнями, определяя право хозяина. Оставил для себя разрыв, зашел в будущую дверь и закончил линию уже изнутри. Затем тщательно присыпал каменную границу землей, позакрывал досками. Пока гады до нее не доберутся, дом, хоть и развалюха, но стоит. Можно называть его блиндажом и уверять самого себя, что ты отлично держишь оборону.

Тень ушла на стену номер три. Затаилась и ждет? Я рискнул. Нашел глазами важный обломок – половину старой двери с ручкой. Не слишком надежная защита, но пока со своей дверной функцией вроде справляется. Выбираясь из блиндажа, я прислонил его к стене рядом. Хорошо, хоть недалеко. Не сбавляя хода, я на бегу нырнул в проем, подхватил заслонку и одним махом заткнул ею дыру. Доска-порог от моего залета чуть сдвинулась, пришлось поставить на место, но граница из камней не пострадала.

Руки слегка дрожали. Сегодня гады меня почти достали... Я воткнул две доски крест-накрест, укрепляя щит двери, и

услышал снаружи тихий стук. Рано что-то. Очень рано. Темные лучи тонкими змейками только-только начали пробиваться в щели и шариться по полу. Искали меня – жизнь, утаенную много лет назад и переведенную в странную, промежуточную форму. Не живой и не мертвец. То ли кот, то ли человек. Мое место было здесь, и меня тут ждали. Терпеливо и спокойно, ведь времени на Обратной Стороне не существовало. Каждый восход Черного Солнца не означал день, следующий за старым. Он означал просто еще один кусочек небытия.

Я, как всегда, обошел свое небольшое жилище кругом: полтора шага по одной стене, три по другой и почти пять дугой по третьей и четвертой. Проверил, не светит ли откуда-нибудь забытая прореха. Теперь можно было лечь и закрыть глаза.

В голову, как всегда, полезли вопросы: Что произошло? Где этот долбанный двудушный монстр, которого я тогда так и не догнал? Все ли в порядке с Ней? Что она делает сейчас?

В том, что моя хозяйка жива, я не сомневался. Мы были настолько связаны, что разделение между мирами не могло на этом сказаться. Без нее меня бы уже просто не существовало. Значит, и она существует, и должна что-то делать. Интересно, что? Вопросы возникали уже столько раз, что привычно выстраивались в ряды, словно солдаты перед боем. Один следовал за другим и вытекал из предыдущего, как ручей из речки, а речка – из моря. Или наоборот? На Обратной

Стороне ведь все наоборот. Кажется, сегодня мне повезет уйти в нечто, похожее на сон. Правда, снилась теперь всегда одна война.

* * *

– Построение! Общий сбор! Все сюда! Мне долго орать?

Я прошлась перед строем, оценивая результаты. Было неплохо. Так их можно было хотя бы посчитать. Два лесных духа, один водяной придурок и семь русалок. Моя непутевая банда почти в полном составе. Все хотели на Ту Сторону так, что уже чесались, как образно заметил мокрый полуголый старик Баламут. Вылез он из ручья в лесу и был самым разговорчивым из всех.

Русалки выглядели сейчас как бомжихи после попойки – осунувшиеся, тихие, задумчивые. Хорошо погуляли, похоже. Через неделю после катастрофы они начали подтягиваться по одной. Не находили избушку, но находили меня. Требовали перевести на Ту Сторону. Каждой приходилось объяснять, что не могу, мол, избушки нету, не видите, что ли. Сами же развалили! Они видели, но с трудом понимали. Хорошо, хоть слушались.

После того как одна мертвячка утянулась в лес на целый день и вернулась назад вместе с каким-то студентиком, я решила их больше не распускать, чтобы чего не натворили.

Студент выглядел как шальной, все время хихикал и дергался. Я сделала дорожку к общаге, поставила бедолагу в нужном направлении и строго сказала идти туда. Он пошел, но через минуту вернулся, начал опять хихикать и на русалок пялиться. Пришлось довести его до конца пути и вытолкать к людям через кусты, чтобы назад дорогу не нашел.

Русалке я сделала выговор, но та молчала и смотрела наверх. Такие стали тихони – прямо загляденье, не то что... когда... Я остановила мысли, им было не время. Еще раз глянула на строй. Недавно к нам присоединилась маленькая светящаяся фея. Я таких никогда не видела. Не крохотная, как в мультиках, но и невысокая – мне по плечо, однако по виду взрослая, меня чуть постарше, наверное. Летать она вроде не умела, но сияла потихоньку. Я брала ее с собой, когда нужно было ночью куда-нибудь сходить. Вот только где она сейчас?

– Где Светик? – спросила я строго.

Баламут охотно пояснил:

– Ой, ну девица отлучилась по делу, возле ручеечка она.

Дедуля хитро подмигнул и забулькал, – так он смеялся.

– Утреннее построение для всех обязательно! – пробубнила я еще строже.

Все подтянулись, встали поровнее.

Военщина лезла из меня сама. Командовать толпой непойми-кого было сложно, но решения находились по мере поступления задач. Оказалось, что если громко орать, то тебя лучше слышат. Если надо проверить, все ли на месте, то

самое удобное – это выстроить всех в линию и заставить постоять хоть пару минут. А единственный способ отвадить русалок от студентов, мерзкого старичка от лапанья русалок и Светика от нытья – это занять их чем-нибудь. Желательно, конечно, полезным, но полезные дела кончались быстро, а русалки прибывали...

– Так, сегодня у нас на день: полив большого камня. Занимаются Баламут и вот ты!

Я ткнула в грудь одного из лесных духов. Надеюсь, что это была грудь, он был весь какой-то из веток.

– А может...

– Не перебивать! Дальше. Уборка в лагере. Все сухие листики и веточки собрать и сложить в кучу за палаткой. Идут три русалки. – Я потыкала по очереди в первых трех. – А остальные... (пришлось призвать фантазию) собирают цветы на полянке. Вот здесь, чтобы я всех видела. А ты, – я ткнула в последнего лесного духа, – Светку найди и приведи.

Команда медленно разбрелась выполнять поручения.

Я каждый раз как будто решала задачку про волка, козла и капусту. В одной лодке, то есть команде, нельзя было совмещать русалок и Баламута – дедуля как ненормальный лез ко всем, кто был похож на девушку, и начинал по-дурацки подкатывать. Хорошо, хоть ко мне обращался вежливо. Может, я уже на девушку не очень похожа? После месяца жизни в лесу, в палатке, вполне возможно.

Русалок нужно было разбивать на части и не давать им

ушарахиваться в лес. Одного студента мне хватило, а скоро грибники попрут... Лесовики меня спасали. Они не болтали, ни к кому не приставали и никого не трогали. Медленно собирали листики, выпрямляли травку или поливали ее. К счастью, никто из команды никогда не спрашивал, зачем мы это делаем.

Задания придумывались дурацкие, зато я была уверена, что мои «бойцы» не набедокурят. Важно было ушатать их днем, потому что ночью у всех как будто силы прибавлялись, – наверное, они чувствовали, как на Обратной Стороне всходит их любимое Черное Солнце, к которому они никак не могли добраться. А я по ночам хотела спать...

* * *

Во сне я мог быть с ней. Во сне она сидела рядом в маленькой комнатке, в нашей коммуналке, и болтала ногами над полом – табуреты в их семье почему-то всегда были выше, чем надо. Она пришивала пуговицу к моей гимнастерке и быстро сыпала словами:

– Как приедешь на фронт, сразу напиши. Понял? Только обязательно, не забудь! Ты помнишь адрес?

Моя Тасенька... Настасенька, Настёна. Я помнил наш общий адрес до сих пор, мог бы повторить его миллион раз, если бы это могло приблизить меня к ней хоть на каплю, хоть

на секунду. Мы жили в коммуналке, и, засыпая, я знал, что ее носик находится как раз напротив моего, отделенный лишь тридцатью сантиметрами старой кирпичной кладки – наши кровати стояли как раз напротив друга, по разные стороны одной стены, в соседних комнатах.

Во сне я бы мог быть с ней, вот только спать я не мог. Сквозь закрытые веки в глаза все равно пробивался мутный свет Черного Солнца, и Тасенька расплывалась, уходила от меня все дальше, махая белым платочком на перроне. Почему женщины так быстро перестали носить с собой в сумочках белые полотняные платочки? Чем же они машут теперь, провожая любимых на войну?

Из тягуче-горькой полудремы меня вывел стук. Гады опять пытались добраться до главных опор блиндажа! Вот Гансы недобитые! Я был уверен, что твари, нападавшие на мое жилище каждый день, во время жизни на Светлой Стороне тоже мучили и убивали. После смерти для них, поди, ничего не изменилось. Хрипы снаружи порой напоминали человеческую речь, но разобрать в ней ничего было нельзя. Я повернул голову так, чтобы видеть кусочек грязно-желтого неба в прореху на первой стене. Небо иногда затемнялось на долю секунды – над блиндажом кружили тени, я называл их Карлушами.

И небо, и земля Обратной Стороны наполнились нежитью, которая жаждала до меня добраться. Не сразу я понял, что облик кота был для меня не только способом сохранить мо-

лодость и силу, но и маскировкой. Припомнился голос прежней Яги:

«Васенька, мы сейчас с тобой пойдем в одно место. Ты не бойся, там все будет по-другому...»

Много лет после этого я видел Тот Свет глазами животного, старался ходить тут по ночам, как Яга наказывала. Не думал, что в облике человека, под светом здешнего солнца, твари примут меня за своего, узнают мертвеца, место которому давно среди них. Я за столько лет уже и позабыл, что давно мертв.

Образы из двух моих жизней вставали перед глазами, меняясь, как в калейдоскопе. Спать под Черным Солнцем не получалось, зато здорово грезилось. Мама, Настёна – мой друг и товарищ, моя верная... почти невеста, старая Яга – моя спасительница и, вот, наконец, пришла та, мысли о которой я гнал от себя, чтобы они не разъедали голову как горячий свинец. Образы смешивались, сходились и расходились. В конце концов мама слилась со старой Ягой, а лицо Тасеньки наложилось на черты моей новой хозяйки, совпав до черточки...

* * *

Взгляд у феи был рассеянным. Светка чертила палочкой на земле какие-то корявые морды, одну на другой, и не смот-

рела на меня. Она слабо мерцала, но днем это было почти не видно. Почему-то показалось, что она меньше ростом стала.

– Ты чего? – спросила я заботливо.

Фея не ответила, повернулась и пошла собирать листики вместе с командой номер два. Станные они все! Один Баламут нормально говорит, но лучше бы молчал.

Меня вдруг схватили за плечи сзади. Я резко крутанулась и попыталась врезать, но, как всегда, не вышло. Виталик умел подкрадываться незаметно.

– Пух, ты убита, – жизнерадостно сообщил он.

– Да, и как сегодня? – поинтересовалась я.

– Ну, давай сегодня я был змеем, подкрался и обвил тебя.

Потом сломал пару позвонков и обездвижил, ну а дальше...

– Ладно, я поняла, это мы и на практике проходили!

– Блин, точно, забыл, – он смущенно потупил глазюки, но я не купилась на показное раскаяние, хоть и верила теперь ему.

Кажется, одной из моих способностей стало распознавание лжи. Как бы разум не орал, что этот перевертыш меня когда-то загипнотизировал и чуть не сожрал, сердце упрямо выстукивало: «Он не врет! Он хороший!» – приходилось верить, иначе глупый орган не затыкался.

– Походу, тебе змеей нравилось быть, – проворчала я, освобождаясь из цепких рук.

– Да, нравилось, – честно ответил бывший оборотень. – У змей отличная координация. Я иногда ловил птичек, просто

для тренировки они так здорово хрус...

– Все, я поняла.

– А что они сегодня делают? – спросил Виталий с любопытством.

Эта зараза всегда интересовалась, зачем нужны те или другие задания, которыми я щедро наделяла свою бессмертную и не устающую команду. Приходилось выдумывать объяснения. К счастью, его опыт жизни среди людей был не слишком велик, поэтому обычно Виталик не придирался. Однако что-то пробуждать в ответ следовало, не ронять же свой авторитет.

– Ну вот, смотри. Эти – поливают камень. Чтобы... на нем выросли цветы (ура, вовремя вспомнилась старая сказка, там правда был пень, ну да и так сойдет). А вот те, – я не глядя махнула головой в сторону палатки, – очищают лагерь от прошлогодних листьев, в них могут прятаться... вредители леса.

– Ух ты! – как всегда восхитился Виталька. – А с феей что случилось?

– Да не знаю, она какая-то странная, – пожаловалась я.

– Просто им всем пора на Ту Сторону, – заявил Виталька со знанием дела. – Дядя говорил, что Черное Солнце милое. Он обещал, что, когда мы вернемся, мне дадут новый облик.

Оборотень заулыбался. Я занемела внутри, как всегда, когда он поминал своего ужасного дядю. Парень искренне счи-

тал его лучшим человеком на свете, хотя тот и человеком-то не был... Пришлось осторожно перевести разговор на более безопасную тему:

– Ладно, давай глянем, чего там у нас из еды осталось. Скоро придется опять идти в магаз.

Запас продуктов мы пополняли с Виталькой по очереди. Я делала тропинку до ларька возле нашей общаги, и мы совершали на него сокрушительные налеты – закупали тушенку, макароны и крупы. Потом я все это варила. В котелке. На костре. Потом мыла в ручье две тарелки и две чашки – ели мы с перевертышем только вдвоем. Остальных человеческая еда не прельщала, они как-то обходились. Может, я так плохо готовлю?

Я страшно боялась Виталькиного дядю, но была вынуждена уже месяц пользоваться его палаткой и посудой... Ну, и деньгами, конечно. Старенький кошелек я нашла замотанным на дне рюкзака и нагло распотрошила. А что было делать? Я объяснила себе, что погорельцы имеют право на матпомощь.

Чтобы прожить в лесу, пришлось сходить за вещами в общагу. Там на вахте я увидела мою сумку, собранную добрыми подругами, не стала подниматься в комнату и просто забрала манатки. Вахтерше выдала вариант про академку и родню, у которой буду жить. Та поверила. Это была новая тетка, и ей было все равно. Уже уходя, я вспомнила про тетьку Валю, но охранница такую не знала. Вспомнила я и про

то, как приходила на учебу в последний раз... вместе с моим личным преподавателем... и не сумела себя остановить. На обратном пути дождь поливал, как ненормальный. Пришлось потом сушить вещи возле костра.

Виталик тогда все развесил, пока я дрожала в одеяле. Он заботливо подоткнул его под меня, а потом долго сидел рядом, глядя на огонь. Искры отражались в огромных прозрачных глазах.

– Слушай, оборотень, а почему ты ко мне тогда так бодренько подкатывал?... – фраза требовала продолжения: «А сейчас, когда мы в одной палатке дрыхнем, – вообще нет», но я осеклась. Это бы выглядело, как будто мне хотелось от него чего-то такого.

Виталий ответил, как всегда, слишком искренне:

– Мне дядя тогда сказал, что ты очень красивая, а все парни должны приставать к девчонкам, иначе меня за человека не примут, а мне очень хотелось быть похожим на человека.

– погоди, так получается, я тебе совсем не нравилась, что ли? – возмутилась я.

Его подкаты при первом знакомстве были просто отстойными, а потом он вообще на меня напал, но разочарование я сейчас испытала нехилое.

– Нет, ну почему совсем, ты же и правда красивая! – ответил мой странный товарищ. – Мне дядя тогда слова нужные проговорил несколько раз. Я только про твой знак на лбу сам придумал, – в голосе перевертыша зазвучала гордость. –

Меня Господин, когда привел на Эту Сторону, многому научил. Он сказал, что теперь его надо называть дядя и дал мне это тело, – пацан с гордостью вытянул вперед сильные, мускулистые руки. – И еще, он дал мне тело змеи, но твой... этот... не знаю кто, у меня тогда змеиную кожу забрал. Но мне и так ничего, – перевертыш еще раз с удовольствием себя оглядел. – Я, когда увидел в первый раз живых людей, сказал дяде, что очень хочу быть таким же, и он научил меня, что делать.

Эту историю я уже слышала несколько раз, но Виталий обычно так просто не затыкался. В тот мокрый вечер я узнала еще много интересного.

– Дядя сказал, что, если я принесу тебя, ты станешь моей девчонкой... ну, как Лоис Лейн у Супермена, и все тогда точно поймут, что я – настоящий парень.

Я ошарашенно молчала. Все это время у меня язык не поворачивался спросить, зачем это чучело меня чуть не убил, а он, оказывается, себе подружку искал... Кажется, жуткий «дядя» использовал придурка «в темную». Ну и дела!

– А еще я должен был твое имя узнать, – продолжал болтать перевертыш.

– Мое имя там знал каждый второй, мог бы у других спросить, – пробурчала я из одеяла.

– Нет, дядя объяснил, что имя – это не так просто. Важно было, чтобы ты мне его сама сказала, тогда... я точно не понял, ну, в общем, тогда я точно бы принес тебя домой... –

он очень мило улыбнулся. – Слушай, как думаешь, а я еще смогу стать настоящим парнем? Ты же теперь моя девчонка.

– Почему это твоя? Я не твоя, ты не путайся! – испугалась я.

– Ну, мы ведь живем с тобой тут... вместе, – задумчиво протянул Виталька и с надеждой глянул на меня.

– Так, погоди. Давай разберемся. Я думаю... дядя тебе просто не все успел рассказать, ты же не так давно на Этой Стороне. Быть девчонкой кого-то – это не так просто. Для этого жить вместе в лесу недостаточно!

– Да? А что еще нужно? – быстро спросил Виталька.

– Так, стоп! – Я поняла, что иду не туда. – На самом деле, не нужна никакая девчонка, чтобы тебя принимали за человека.

– Ты уверена? Мне дядя так сказал.

– Да точно, не парься, – проговорила я как можно убедительнее. – Ты и так очень похож на парня, на тебя вон все девчонки из нашей группы запали.

– Куда упали?

– Так... Слушай! Мы живем с тобой в палатке, но не как эти... как её там... и Супермен. Мы с тобой просто друзья. Человек считается человеком, когда у него друзья есть. А девушка – это вовсе не обязательно.

– Ты уверена? – переспросил Виталька.

– Да точно! Вот, например... – я попыталась подобрать случай из мультиков или комиксов, чего там этот придурок

нахвататься успел... – как Матроскин и Шарик в Простоквашино.

– Я не знаю, кто это такие. Они были настоящими людьми?

– Блин, ну не совсем... – Я прекратила подбирать примеры и подытожила: – Люди могут просто дружить и помогать друг другу. Вот ты же мне помогаешь?

– Да, конечно, – охотно закивал Виталька. – Ты очень слабая, поэтому я тебе помогаю. Дядя говорил, что слабым всегда нужно помогать.

Да уж, у этого странного создания в башке полный компот творился, ведь его дядя разлюбезный был то злобным Господином, то добрым Яном Борисовичем. Но посвящать Виталика в странноватую сущность его единственного родственника я не стала – у парня же мозги, как у ребенка, еще случится перегруз! Пришлось учить его по-быстрому, что нормально в нашем мире, а что нет.

– В общем так, – заявила я, – мы с тобой друзья, и это здорово! На самом деле, даже лучше, чем всякие там девочки-парни, тра-ля-ля.

– Ну ладно! – глаза Виталика засветились от радости. – А то, на самом деле, мне не очень-то хотелось... тра-ля-ля. Я ведь летать как Супермен не умею. Я дяде тогда говорил. А помогать – это легко.

– Ну вот и здорово! – я с облегчением откинулась назад, попала одеялом в костер, Виталик меня от огня спас, и мы

пошли тогда спать, очень довольные друг другом.

Глава 2. Друзья – почти живые и мёртвые

Советы для выживания среди зомби:

– Запаси все самое необходимое: воду, пищу, бинты, фонарь, источники беспроводного питания (батарейки), спички и прочее;

– Держись подальше от помещений или замкнутых пространств, это может стать тупиком;

– Холодное оружие не требует перезарядки, однако стоит наведаться в ближайший оружейный магазин, пост охраны или военную базу;

– Идеальная защита – плотно прилегающая одежда, волосы должны быть коротко острижены;

– Ищи надежный автомобиль, лучше всего подойдет инкассаторский броневик. Запасись бензином в очень большом количестве!

– Нет абсолютно безопасных мест, есть только более безопасные и менее. Ночевать лучше на открытой местности: лугу или поляне;

– Не думая, без страха бей или стреляй в голову, чтобы остановить работу мозга. Не сожалей об убийстве, они ничего не почувствуют.

«Руководство по выживанию среди зомби»,
выпущенное в 2003 году в США. Автор Макс Брукс

Мы с Виталькой подошли к Древу. Перевертыш впервые был тут, и я невольно вспомнила себя саму... так давно это было – три месяца назад, когда я так же замороженно кружила вокруг и слушала шепот внутри своей головы, внутри своей души.

Я набрала побольше яблок в рюкзак, реквизированный у Борисыча, и тоже на секунду прислушалась. Древо в последнее время молчало. Я так часто в первые дни задавала ему свои вопросы – и в мыслях, и громко вслух, так что с веток взлетали перепуганные птицы. Наверное, мои крики просто надоели этому «Столбу мира» или как там его.

– Пошли, нам пора! – попыталась я встряхнуть Виталия.

Парень бродил, как очумелый, вокруг ствола, задрав голову вверх.

– Что? – не понял он.

– Пора, говорю. Я уже набрала яблок, пошли!

Перевертыш поймал в ладонь белый лепесток, падающий с дерева, и как будто очнулся. Я, как всегда, в душе поблагодарила Древо за угощение, и мы двинулись по тропинке назад.

Притихший Виталик шагал по дороге. Я тоже после первого визита к Древу долго приходила в себя, но точно помню, что была счастлива, а мой друг выглядел грустным и озадаченным. Вдруг эта деревяха ему что-нибудь важное открыла? Например, что я и его дядя ненаглядный – заклятые враги, и я все равно не успокоюсь, пока этого гада не найду...

хотя, что с «гадом» надо будет сделать, как найду, пока еще не придумала.

– Тебе Дерево чего-нибудь сказало? – попробовала я начать разговор.

– Да, конечно. А ты разве не слышала? – спросил перевертыш.

– Оно с каждым общается отдельно, а со мной теперь вообще не хочет говорить. Наверное, сердится, что избушка разбомбилась, – вздохнула я.

Перевертыш долго молчал, шагая по утоптанной тропинке, потом все-таки решился спросить.

– Оно сказало, что потом я снова уйду на Ту Сторону... Что я здесь не навсегда!

Я с облегчением выдохнула:

– Ну да, мы все здесь не навсегда. Ты разве не знал?

– Я просто не думал об этом. На Той Стороне не думают о времени.

– Да, знаю, – сказала я и вспомнила свои ощущения. Застывшая вечность, замершие мгновения. Сначала это пугало.

– То есть, вы все знаете, что ненадолго здесь? – спросил перевертыш задумчиво. – Вы поэтому все время торопитесь?

– Да, наверное, поэтому, – согласилась я.

Виталий молчал. Я понимала его. Парень так радовался, что стал человеком, так любил эту жизнь и пытался в нее

вписаться, а теперь узнал, что это не навсегда. Наверное, бессмертному созданию трудно такое осознать.

– Слушай, – попыталась я его утешить, – но ведь у тебя много времени впереди, как и у всех людей. Понимаешь? Мы не думаем об этом, потому что... потому что все это еще не скоро будет. Можно пока не париться.

Оборотень продолжал мерить шагами дорогу.

– Ну хорошо, – продолжала я свои попытки, – еще для нас важно, ну... типа... что-нибудь оставить после себя, сделать что-нибудь хорошее. Понимаешь?

Виталька заинтересовался:

– А если я сделаю много хорошего, мне можно будет остаться здесь?

– Нет, так не получится. Но о тебе будут помнить, это тоже хорошо.

Я, в принципе, обманывала перевертыша. Ведь есть же колодец с живой водой, вернее, был... Раньше он мог помочь остаться на Этой Стороне надолго, даже, наверное, навсегда. Но после того, как исчезла избушка, он тоже испарился, так что теперь у меня не было ни оживителя, ни зелья правды. Хотя ложь я и сама начала неплохо чувствовать.

– Слушай, а ты кем был на Той Стороне? – решила я сменить тему.

Мой новый друг обычно был просто ужасающе, отвратительно откровенным. Так что я спрашивала его, о чем только хотела. Не подвел Виталька и в этот раз.

– Я был лазутчиком, – быстро ответил он.

– Ух ты, – удивилась я, – а что делают лазутчики?

– Я для своего Господина узнавал, что ему было нужно.

Я сглотнула, от страха чуть не подавившись слюной, но любопытство пересилило ужас.

– А... Как ты выглядел? Так же, как сейчас?

– Нет! – Виталька улыбнулся снисходительно. – Это тело Господин дал мне здесь. А там... – парень задумался, – я не знаю, как я выглядел. Как лазутчик, наверное.

– Странно это все, – протянула я.

– Ну почему же странно? – удивился Виталий. – Ты тоже на Той Стороне выглядела по-другому. Да и у твоего... этого... был другой облик. Там он был маленький такой, черный и в шерсти.

– Как кот, – пояснила я задумчиво.

Витальку тем временем понесло:

– Мой Господин здесь стал человеком, и его облик почти не изменился, а мне он дал два новых тела. Только этот... твой... потом у меня одно забрал, – перевертыш опять с сожалением вздохнул. Он частенько вспоминал про тот случай. Кажется, был бы не против получить змеиную шкуру назад.

– Нету твоей кожи. Лежала у нас, а потом пропало все вместе с сундучком Ва... и избушкой.

– Слушай! – Виталий и не заметил, как мое сердце болезненно ёкнуло, и продолжал как ни в чем не бывало. – А почему ты такой старый облик на Той Стороне себе выбрала?

Он был не очень-то сильным, я видел.

– Да меня никто не спра..., – я хотела ему объяснить, но меня поразила одна мысль: – погоди, ты меня там видел? Следил за мной, что ли?

– Ну да, – гордо пояснил Виталий, – конечно. Мне Господин дал такое задание. Я ждал, когда избушка повернется, и дождался, а потом еще следил, как ты ходила... к такому... вот как сейчас мы были...

– К Древу, – мой язык еле провернул это слово.

– К Древу, – повторил оборотень и, кажется, опять загрустил. – На меня тогда этот твой... черный... полез.

Я как будто провалилась в собственные воспоминания. В голове возник наш первый поход к Древу, и мой страх Обратной Стороны, а на обратном пути за нами тогда увязалась...

– Ты был лисой? – спросила я в полном шоке, проглотив слова «противная» и «облезлая».

– Я не знаю, кто такая лиса, – ответил оборотень.

– Потом покажу, – буркнула я.

Меня уже не удивляли его откровения. Ну лазутчик и лазутчик, ну следил и следил. Тоже мне! Главное, – я была уверена, – теперь этот парень был другом и искренне пытался мне помочь.

– Он это делает только потому, что ты его обманула, – шепнул мне внутренний голос.

– Ерунда, – ответила я сама себе, уже в который раз. – Он меня тогда спросил, где его дядя распрекрасный, а я отве-

тила, что он на Той Стороне застрял. Это же правда! А он сказал, что должен его ждать и спросил, можно ли пожить вместе со мной, а я сказала, что можно, вот и все.

— Но ты сделала это только потому, что почувствовала, как он будет полезен, — не унималась совесть, — и потому, что хотела у него что-нибудь вызнать.

— Ну да, и что? — не почувствовав подвоха, подтвердила я.

— А тебе не кажется, что он думает, будто вы с его дядей распрекрасным — вовсе не заклятые враги, а вроде как даже друзья? — сделала совесть очень коварный ход.

— Между прочим, с одной половиной его дяди я и правда дружила, и даже попыталась его спасти! И вообще, все, замолкни!

Я воспользовалась правом нормального человека с одной душой, без раздвоения личности, и затолкала свою слишком правильную половину поглубже.

У меня сейчас не было выбора. Виталька действительно был мне нужен, и рисковать его дружбой только потому что, видите ли, он там чего-то недопонял, я не собиралась. Потом когда-нибудь скажу, наверное. А пока я без него тут чокнусь слушать бульканье Баламута и хихиканье русалок. Он нужен мне, и пусть поэтому остается рядом и будет другом. Так и ему же самому лучше!

Последний аргумент был по-настоящему сильным. Общаясь с Виталькой, я быстро поняла: парень и правда был неплохим. Он искренне стремился всем помогать, а то, что

помогать ему раньше приходилось Двоедушнику, – была его беда, а не вина.

– Так что, – решила я окончательно, – вопрос исчерпан. Виталька теперь мой. Будем считать, что я его выиграла в этой битве. Я и так слишком много проиграла!

Я посмотрела на своего друга. Он шагал рядом, задумавшись о сложностях жизни. Большой и сильный, но ужасно наивный. Лес вокруг нас вздыхал и шелестел живой зеленью. Солнце уже садилось, значит где-то там, на изнанке мироздания, на горизонте начинали появляться черные косматые лучи.

***

Черное Солнце еще даже не успело взойти, как вокруг блиндажа разыгралось настоящее сражение. Казалось, на меня пошла тяжелая артиллерия: бревна тряслись, сверху сыпались камушки, песок и щепки. Гансы разошлись сегодня всерьез.

Стук раздался прямо надо мной. «Камнем долбятся!» – догадался я. С блиндажа слетели пара досок, засветилась новая прореха. Ладно, хоть небольшая. Как уйдут – поправлю. Однако сегодня за границей моей жизненной области творилось что-то новое. Под Черным Солнцем раздались грузные шаги, не шарканье и топотание, как обычно, и в дверь посту-

чали – спокойно и размеренно.

– Эй, малой! Ты здесь, что ли? – раздалось снаружи.

Я сел так резко, что стукнулся о низкую доску. Это был человеческий голос, впервые за все время звучала внятная речь. Но, кроме того, голос напоминал что-то ужасно знакомое...

– Малой! Я знаю, что ты здесь. Выдь, поговорить надо.

«Я не буду отвечать! Я не буду отвечать! – хаотично забегали мысли. – Даже если это действительно Андреич, я не буду ему отвечать... Он ведь не может быть здесь... если он здесь, то это уже совсем не он...»

– Слышь, тёзка, да выдь ты!

В щит двери стукнули раз, потом зашипели уже не по-человечески. Он, видно, не знал, что моя крепость сама себя защищает. Василий Андреич на одной стороне с гансами и карлушами, а я загнан в крысиную нору! Ситуация выглядела нелепой, но от этого еще более страшной. Может, я все-таки уснул?

– Я приду потом еще! Слышь? Оглох ты там, что ль?

Тяжелые шаги удалялись. Я стремглав прильнул к смотровой щели, – в последних лучах Черного Светила от меня уходила неясная фигура. Знакомая! Забытая за семьдесят с лишним лет, но сейчас мгновенно вернувшаяся в память. Гимнастерка побурела, голова опущена – лица, конечно, не видно – но шаркающая походка, широкие плечи, которые мне, пацану, всегда казались такими огромными, бы-

ли прежними.

Я тогда мечтал, что вот, повоюю и стану таким же! Мечтал ровно неделю, пока жил рядом с Андреичем, воевал с ним рядом. Первый же бой оказался и последним. Когда я словил пулю в живот, Андреич меня подхватил... Его взгляд стал последним, что я помнил в своей человеческой жизни.

Я еле дождался восхода Луны, отодрал, наконец, ненавистные доски, вышиб дверной щит и вылез наружу. Попытался разглядеть что-нибудь в том направлении, куда ушел мой бывший боевой товарищ, но там ничего и никого уже, конечно, не было.

Обратная Сторона готовилась ко сну. Лес успокаивался, в воздухе висел запах сырой земли и мертвой листвы, я вдохнул его полной грудью. Нужно было срочно идти к Древу, но сначала – проверка и ремонт. Что бы ни стряслось, даже если конец света... и того, и этого. Я быстро закидал назад раскиданные доски. Отметил, что в этот раз гады постарались меньше обычного, хотя гремели изрядно. Почему, интересно?

Отсчитал шаги до пенька. Совсем плохо! Сволочная деревяшка уже проделала за сутки четыре с половиной шага. На четыре с половиной шага стала ближе к моему укрытию, осталось всего пять. Если подойдет вплотную и начнет двигаться дальше, снесет, поди, опоры блиндажа. Вот только сможет ли пень прикасаться к обломкам избушки? Для про-

верки закидал его небольшими досками – завтра посмотрим. Под конец этой работы я не удержался, еще раз глянул туда, откуда ко мне, возможно, придет Андреич, и пошагал по тропинке.

Древо казалось притихшим. Я обошел кругом, прежде чем заговорить. Мне хотелось стучать по нему, орать, прервать это вечное спокойствие. Деревья, может, и хорошие друзья, но они вряд ли могут понять, что кто-то живет на свете быстрее, чем растут их корни.

– Ко мне приходил... бывший знакомый, – заговорил я наконец. – Разве такое возможно?

Древо молчало в ответ.

– Он давно мертв. РАЗВЕ ТАКОЕ ВОЗМОЖНО?

Древо шелестело ветвями.

Я без сил бухнулся у корней. Треснул, как мог сильно, головой в ствол. Когда же этому наступит конец?

– Как мне вернуть избушку? – повторил я вопрос, который устал уже задавать. – Как мне вернуться на Светлую Сторону? – слова уже вязли на зубах, но ответа не было, сколько ни спрашивай. Древо обычно отвечало уклончиво, что «свой путь надо вырастить» и тому подобное. Древо ведь, хоть и Мировое.

А сегодня оно вообще решило отмалчиваться. Именно сегодня!

В сердцах я треснул по стволу кулаком, прекрасно пони-

мая, что для древесного гиганта это будет как пинок муравья. Однако Древо отреагировало – в ответ мне сверху прилетела шишка и больно попала по башке. На нем еще и шишки есть? Отвечать словами мне сегодня не пожелаали – разбейся, мол, сам. А если сам не могу? Если то, что случилось, выше моего понимания и моих сил!

Я не боялся обитателей Обратной Стороны и справлялся с ними, как мог. Я не боялся голода, так как знал, что буду его терпеть, сколько будет нужно – ради нее, моей хозяйки. Но теперь Обратная Сторона нашла, чем меня пробрать. Почти единственный друг, который что-то значил для меня в той, человеческой, жизни, вдруг приковывал из прошлого. Это было слишком для меня.

Я просидел у теплого ствола почти до рассвета. Интересно, а что будет, если я просто останусь здесь? Проверять не хотелось. Оскорблять Древо борьбой и гибелью казалось хуже, чем просто погибнуть... Моя нора ждала меня. На небе занимался очередной Черный Рассвет. Кажется, тридцатый по счету для меня здесь.

* * *

После месяца в лесу я очень изменилась. Научилась ходить по этому самому лесу быстро, не спотыкаясь на каждом корне, научилась умываться холодной водой из речки, и да-

же мыться в той же речке. Раньше дойти до Древа по тропинке было для меня настоящим приключением, но теперь, намотавшись со своей командой, я двигалась быстро и почти не отставала от Витальки.

За деревьями раздались звуки нашего лагеря. Там что-то происходило. Я ускорила шаг и через пару мгновений вылетела на поляну.

Высокий тощий парень торчал посередине лагеря, а вся моя доблестная команда стояла вокруг. Незнакомец что-то вещал им, рассказывал, а все стояли, раскрыв рты и развесив уши. Зрелище неприятно кольнуло. Это была моя команда, хоть и неказистая, и вот так слушать они должны были только меня!

Сурово глянув на парня, я прикрикнула:

– Что это тут у нас?

Все как будто очнулись, обступили меня и начали наперебой рассказывать:

– Он ходил...

– Бадюльский мешок...

– Он к нам....

– Бадюля...

Даже лесовики скрипели и что-то пытались объяснить. Я не выдержала этого гама и рывкнула, что есть духу:

– ТИХО!

Над лесом взлетели птицы. И с шуршанием унеслись прочь.

– Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ. Говори ты, только по делу и быстро! – обратилась я к новому парню.

Тот быстро растолкал всех и подошел ко мне.

– Я Бадюля. Иду на Ту Сторону. Привет, Яга!

– И тебе привет, коли не шутишь! Перевести на Ту Сторону не могу. Избушки нет... пока.

Парень кивнул, будто его такой расклад вполне устраивал.

– Ты давай, с нами побудь! – хотелось добавить: «...а то фиг тебя знает, кто ты такой, лучше уж на глазах сиди».

Парня это тоже устроило. Он пожал плечами и бросил на землю свою потертую котомку.

– Ну с вами, так с вами. Буду туточки покамест.

Я присмотрелась к новичку. Весь помятый и потертый, будто бы много лет в дороге. Одежда не пойми какой эпохи – настолько изношена, висит на тощих плечах. На ногах – стоптанные вдрызг кроссовки. А вот котомка точно старая, холщовая, что ли. Для модно-винтажной слишком обдрипанная. Наверняка, уже много лет служит своему хозяину.

– Ну, давай, устраивайся пока, что ли, – пробормотала я.

Без книги и ценных советов было действительно трудно. Ну вот фиг его знает, кто такой этот Бадюля. Никогда не слышала такого имени. Я присмотрелась еще раз. На упыря, главное, не похож, и ладно. Авось не съест. Пусть с нами будет.

Я вышла на середину поляны, воспользовалась тем, что

команда как раз в сборе, и громко гаркнула, чтобы все услышали:

– Подходите, берите яблоки.

– Это зачем исчо, я антиресуюсь, – первым, как всегда, подоспел дедуля Баламут. Опять весь мокрый, значит, только что из ручья вылез.

– Это затем, чтобы вы поели, а то хилые какие-то стали. Ясно?

Команда смотрела на меня и не спешила за угощением. Тихонько шипели, булькали и скрипели, но яблоки брать опасались.

Я с досадой начала совать им в руки тугие красные плоды.

– Ешьте, говорю! Я вас что, уговаривать должна?

Виталий подошел и показал хороший пример. Взял из корзинки одно яблоко и с хрустом откусил.

Все заинтересованно смотрели, как он жует. Затем одна из русалок тоже поднесла плод ко рту и куснула наливной бочок. Потом дело пошло получше. Все начали хрумкать и чавкать. Яблоки быстро исчезали. Лесовики их просто запи-хали куда-то внутрь своих веточек, надеюсь, у них там были рты.

Последним подошел новенький Бадюля и тоже лениво протянул руку за гостинцем.

Я выдала яблоко и ему, все-таки член команды, но потом спросила:

– А ты кто такой? Ну, чем занимаешься, куда идешь?

— Бадюля я, — повторил незнакомец лениво. Он все делал спокойно и с оттяжкой, будто никуда вообще не торопился.

— Ну ладно, Бадюля, — процедила я, глядя, как его яблоко быстро исчезает.

* * *

Настёна снова была со мной. Она махала платочком на перроне, а поезд все дальше уносил меня от дома.

— На-ка яблочко, боец, не грусти. Вот побьем фрицев, и вернешься к своей невесте, — хохотнул здоровый мужик в новенькой гимнастерке и хлопнул меня по плечу. — Меня Василий Андреич зовут. А ты, вроде, тоже Васька? Тёзки, значит, будем! Ну давай, малой тёзка, устраивайся на третьей полке, щас я свой мешок-то оттудова сниму...

Так я впервые встретил Андреича. Сжевал предложенное яблоко, объяснил, что Настёна мне пока не невеста, так как она еще маленькая, шестнадцать лет девчонке только. Вот вырастет, тогда и поженимся. Потом чуть не прокололся насчет своего возраста. Андреич глянул на меня внимательно, но ничего не сказал. Поезд покачивался и стучал колесами...

Я слышал краем уха, как гансы стучатся в стены блиндажа и цеплялся за воспоминания. Сейчас мысли о Насте были моей отдушиной, я дозировал свои воспоминания и выдавал их себе «по сериям», чтобы не затереть от слишком частого

пересмотра. Я столько раз уже пользовался ими, прикрывался, когда было особенно тяжело, во всех своих жизнях.

Я повернулся лицом к завалу и закрыл ухо рукой. Так можно было спокойно вспомнить мою «почти невесту» еще раз, но теперь Настёна пришла ко мне грустной. Я знал этот взгляд. Видел из-за угла, когда подглядывал за ней уже потом, после войны. Яга тогда отпустила меня ненадолго, сказала, что надо попрощаться с прошлым в душе. Строго наказала на глаза девушке не показываться, да я и сам это понимал. Зачем я Таське такой, не пойми кто – не живой и не мертвец, то ли парень, то ли кот.

Настёна сидела во дворе на нашей скамейке. Год уже, как кончилась война. Вокруг строился новый мир, а она как будто осталась в старом. Но тело ее менялось, в отличие от моего. Я смотрел на нее жадно: выросла, повзрослела, похудела. Каждый тяжелый день, который она переживала без меня, как будто наносил на нее новую черточку, след. Этих меток было много, но за ними я видел мою Настеньку. Она все ждала меня. Я смотрел на нее, сколько можно было, а потом ушел незаметно, как и пришел.

Я тяжело привыкал к новой жизни. Не соглашался считать Настёну «прошлым». Думал даже, вот, когда она через много лет окажется на Обратной Стороне, пойду ее там искать, раз уж мне такая судьба выпала, между мирами мотаться. Но потом сообразил, что в виде кота она меня, поди, и не узнает, да и кого тут найдешь? Зато воспоминания всегда были

со мной...

Стук стал сильнее.

– Малой, слышь, выходи! Дело к тебе есть!

Я заткнул уши, попытался заползти назад в раковину воспоминаний, но не получилось. Придется разбираться с настоящим.

– Я вернусь, – пообещал я девушке из моих воспоминаний и вынырнул в реальность.

Тут было шумно. Гансы ломились сегодня не по-детски. Стуки раздавались со всех сторон. Иногда слышался скрипучий рев. Какой-то новый гад разбирал мой блиндаж с невиданной силой. Я приготовился к обороне. Достал длинную палку, толстую на конце и сучковатую. Еще несколько, поменьше, легли рядом на всякий случай. Может, придется наконец-то в деле проверить мое оружие?

Сдаваться мне было нельзя. Принять Обратную Сторону и идти искать тут мою Настёну я пока не мог. Где-то там, на изнанке мира, меня ждала новая хозяйка, моя Яга. Она же такая маленькая еще, она без меня пропадет! Я закрывался привычными воспоминаниями о давнем, запрещал себе думать о главном, – о ней, – чтобы не сойти с ума от беспокойства. Но в тот момент, когда щит двери с треском вылетел, я понял, что могу позволить себе и это, перед самым концом можно все!...

Моя новая хозяйка опять стучалась в дверь избушки, –

молодая и глупая, как воробушек, залетевший случайно на кормушку. Я тогда впервые почувствовал себя настоящим котом. Я мог бы ответить ей, что ничего не понимаю, что просто охраняю коттедж, а она пусть идет себе... но на лбу у нее уже светилась красным светом невидимая для людей метка, мой мир уже ждал ее, затаившись в углах избушки и за каждым деревом в лесу, поэтому у меня, в общем-то, уже и выбора не было, чему я тогда обрадовался малодушно, — до сих пор помню, как екнуло сердце, которого, я думал, уже и нет давно.

Она еще что-то лепетала, а я уже впускал ее в дом. Простые движения: открыть дверь пошире и отступить назад, после чего человек автоматически делает шаг вперед, через порог. Затем я зашел этой дурочке за спину, закрыл аккуратно защелку и произнес слова приветствия. Дело было сделано. Птичка попала в клетку, и я мог разглядеть ее как следует. Правда, уже через секунду этот воробей, не заметив со страху, наколдовал палку...

Тело подобралось, мозг охватили тишина и спокойствие. Я был готов порвать первого же Ганса, который сунется сюда, — за нее, за них обоих. Безумно тянуло выскочить наружу и разметать всех, наконец, бить по тупым мертвым мордам, пока будут силы... вот только силы были не равны. Поэтому я сгруппировался в своем углу. Внутри блиндажа у меня было хоть какое-то преимущество.

Черные лучи жадно лезли в открывшийся проем, но через мгновение их закрыла широкая грузная фигура. Андреич стоял на пороге моего жилища.

– Пусти, что ли? Поговорить надо! – проговорил он, наклоняясь в низком проеме.

Граница все-таки действовала!

Я раздумывал недолго: в стене дыра, разметать черту из камней мертвый друг мог достаточно быстро, и тогда разрешение ему уже не потребуется, а вот если пустить на правах гостя, раз уж сам спрашивает... Судя по наклону извивающихся лучей, солнце уже низко. Времени у них не так много. Есть шансы дотянуть до заката, а там у меня будет еще ночь впереди! Я сел поудобнее, чтобы можно было начинать движение в любой момент, и положил булаву на колени.

– Входи, гостем будешь, – быстро произнес я старинную формулу, которая могла бы защитить дом от пришельца. Хотя, сколько раз она нарушалась за время человеческой истории... – Хлеба-соли нет, уж не обессудь (а жаль, еда всегда укрепляла право хозяина, делала опасного гостя членом семьи, не позволяла творить святотатство, поэтому ее и всовывали людям прямо у порога).

Мой гость покачался немного, тяжело переступил невидимую границу и зашел внутрь. Наклонился, как и положено, – благо потолок блиндажа другого не позволял. Все, теперь он мой гость и у меня появились хоть какие-то шансы.

– Садись, – указал я Андреичу место напротив себя.

Тот грузно шлепнулся на землю.

Глава 3. Страх неведомого

*Хорь – в русском фольклоре чудесное существо,
напоминающее большую рыбу, бегающую утром по
росе*

(Славянский бестиарий)

Странный он был зомби. Я, хоть и жил вдали от телевизоров, интернетов и тому подобной современной лабуды, пару фильмов о живых мертвецах все-таки посмотрел. Без удовольствия и больше из интереса, чтобы понять, как современные люди себе ЭТО представляют. Штампы успели-таки проникнуть в мозг, но оказались ложью.

Мой бывший друг не был похож на ходячий кошмар, хотя тело его давно лежало в земле. К счастью, никаких ран или отмирающей плоти, висящей кусками, не было заметно. Я искал взглядом глаза – они могли бы все сказать, но в полутьме провалы глазниц оставались черными дырами на лице.

Гость собрался с мыслями и заговорил:

– Слышь, малой, я не так быстро сейчас соображаю, но ты послушай.

– Я слушаю тебя, – ответил я.

– Тебе надо на Свет выйти, здешнему Солнцу поклониться.

– Это еще зачем?

– Положено. Ты теперь здесь обитаешь, а Оно – хозяин, сам знаешь, – пояснил Андреич, будто про шинель рассказывал, как ее правильно складывать.

– Знаю. Но я не его... подданный, – слово подобралось с трудом и неудачное, ну да ладно.

Гость поднял голову и уставился на меня.

– А кто же ты, интересно? – спросил он спокойно, и я тут же узнал моего друга. – Ты живой или нет, как думаешь?

Душный воздух Обратной Стороны с шумом втянулся в мои легкие. Вот так! Нет человека почти восемьдесят лет, а потом он появляется и через полминуты задает именно тот вопрос, который мучил тебя все эти годы. Однако у меня был ответ.

– Я служу Яге! – проговорил я в невидимые глаза. – Я ее помощник. Яга дала мне новую жизнь и продлила силы моего тела.

Заветные слова я выучил еще в тот день, когда впервые переходил на Обратную Сторону. Старая Яга заставила их вы зубрить, чтобы мог отбарабанить, даже испугавшись. Надо же, через сколько лет пригодились. А я думал, забыл уже.

Андреича, однако, старая, выверенная формула не убедила.

– Ну пусть так, – проворчал он, – только твоей Яги тут нет. Ты не помощник ей больше.

– Никто не перестает быть помощником только оттого, что не может больше помогать, – пробормотал я первое, при-

шедшее в голову. Где-то слышал недавно...

Гость покивал:

– Может и верно, но сказать это ты должен Ему Самому, – гость поднял вверх землистый палец. – Смотри, долго тянуть нельзя. Оно на тебя уже сердится.

– Оно не может сердиться, это же просто светило.

– Раз оно может являть милость, то может, значит, и в обратку поворотить, – рассудил Андреич. – Пошли прям щас, не дури. Хватит уже. Выйдешь, поклонись на три стороны, примешь еды там, что ли, и будешь дальше как все.

Я прислушался. Рев и стук за стенами прекратились.

– А как же звери? Хочешь сказать, они все это время просто ко мне в гости стучались?

Андреич повертел головой. Соображал он и правда тяжело. Когда говорил о Солнце и обо мне, речь лилась легко, будто выученная, а когда надо было новые мысли придумывать, то было почти слышно, как скрипят мозги, давно умершие и сгнившие на Светлой Стороне... да и есть ли у него мозги?

– Ты, слышь, на этих, – он махнул рукой за стену, – зла не держи. Они приказ получили, вот и пришли к тебе, – пояснил он наконец.

– Что за приказ еще?

– Ну, такой же, как у меня. Вывести тебя пред Его ликом, значит. Понял?

– Понял.

– Пошли?

– Нет, не выйду.

– Чего так?

Я задумался. Старая Яга всегда говорила, что Черное Солнце для меня опасно. Оно управляло здесь, было хозяином и владыкой. Значит, я поселился на Обратной Стороне без спросу, и оно хотело знать, кто я такой и откуда. Вот только, я был уверен, что после этого представления дороги назад уже не будет. А значит, этот путь, простой и логичный, был не для меня. Не мог я спокойно поклониться Черному Солнцу, принять его милость и остаться тут. Я должен помогать своей Новой Хозяйке. Я должен найти путь туда, к ней. Я должен вернуться к свету Белого Солнца!

– Не могу, – ответил я наконец. – Я нужен ей, понимаешь, она без меня пропадет.

Андреич упрямо покачал головой:

– Пошли наружу, не дури. Вишь, день заканчивается уже.

– Вижу. Не пойду.

– Ну смотри! Тебе три дня еще дали. Я это должен передать. За три дня или возвращайся назад, или выходи, кланяйся здешнему хозяину, принимай еду, а то отощал совсем. Скоро уже и на Этой Стороне помрешь. Куда тогда отправишься?

– Не знаю, – честно ответил я.

И правда, было неясно, куда еще отправиться, если на Темной Стороне быть не можешь, а на Светлую попасть не умеешь. Безмирье – это даже страшнее, чем Черное Солнце.

Старая Яга, когда меня учила, только раз упоминала о нем. Страшно это, когда совсем ничего нет. Она сказала, что туда затягивает самых-самых плохих нежитей, которых даже и Черное Солнце не принимает, хотя оно милостиво. Я, значит, могу вот так закончить – никак совсем.

Я глянул на Андреича. Мой бывший друг выглядел не так плохо для человека, умершего давным-давно. Черное Солнце, похоже, и правда здесь может все...

Однако вдруг вспомнилось мне, как убегал под черными лучами испуганный Ян Борисович... Все-то милостивое светило может, и всех-то принимает, и все-то позволяет. Даже Двоедушникам. Вот где сейчас томится светлая и ни в чем не повинная душа, запертая в темнице своего двойника? Я хлопнул рукой по земле и выпрямился, насколько мог.

– Я услышал тебя, но принять милость Черного Солнца не могу. Оно увидело меня – это было ошибкой – но оставаться здесь я не буду. Я помощник Яги и должен идти к ней.

– Ну и иди тогда, – проговорил Андреич, поднимаясь вслед. Три дня у тебя было с тех пор, как ты это услышал. Первый прошел уже.

Я покосился на дверь. Лучи почти исчезли. Шумная Нежизнь за стенами блиндажа замолкала потихоньку, Черный день умирал.

На зомби уход здешнего солнца сказывался быстро и плохо. Андреич начал пошатываться и как будто темнеть.

– Слышь, тёзка. Я пойду. До свиданьица, значит. Ты по-

думай еще раз, понял?

– До встречи. Тут думать нечего. Я должен быть с Ней, – меня обжег еще раз юный образ – яркий и свежий, запечатанный в памяти навечно. Андрич, как будто, тоже ее увидел, – закричал и вывалился из двери. Пошагал тяжело куда-то к лесу.

– Я приду завтра, слышь. Ты дверь-то не запирай больше, не надо, – крикнул он напоследок.

– Ага, как же, – пробормотал я.

На эту ночь у меня была запланирована масса дел, но сначала я должен был вернуться к Настёне в моих воспоминаниях, хоть на секунду, я же ей обещал! До утра еще очень много времени, я все успею...

***

Утренний подъём застал меня врасплох. Как обычно, нас будил дедуля Баламут – бегал вокруг палатки и булькал. Я с трудом вырвалась из ночного кошмара. В нем Миланка приходила ко мне в гости в виде зомби и вежливо просилась войти в избушку, а я не менее вежливо отвечала, что избушки-то нет, профукали случайно. Бывшая подруга, вся серая, упрямо что-то бубнила, но потом у нее отвалилась рука и она пошла выедасть мозг другим. Не часто я радовалась пробуждению, ведь во сне ко мне иногда приходил... я собралась с

мыслями, вернее, выкинула ненужные из головы, пока дождь не полил, и выскочила из палатки на утренний холодок.

Моя дружная команда потихоньку собиралась в центре и строилась в шеренгу. Вот, приучила же! Виталька выбрался из своего шалаша, который он недавно соорудил, и тоже встал в строй. Его я не заставляла, но перевертышу нравилось быть вместе с другими.

– Так, давайте посчитаемся. Все на месте? – включила я командира.

Команда загалдела нестройно.

– ТИ-ХО! Русалки: раз, два, три, четыре... семь... Давайте, кого я буду называть, кричите «Я». Понятно? Баламут?...

Дедуля отвлекся, он болтал с новеньким... как там его...

– БА-ЛА-МУ-УТ!

– Прощеньца просим, чегось надобно?

– Отвечай «Я»!

– Ну ладнушки. Этось... Я.

– Отлично. Все поняли про «Я»? Светик?

– Я.

– Древесные духи, две штуки!

– Скрип-скрип.

– Ладно, сойдет.

– Ба... Ва... это... новенький! Еще раз скажи, как тебя там?

– Бадюля. Я.

– Отлично! Пацаны, не болтать!

Так, новая заморочка, надо разговорчивого деда с новеньким в разные группы разводить...

Забравшись в палатку, я откопала в вещах профессора огрызок простого карандаша и обычную тетрадку 12 листов, в клеточку. На первой странице обнаружили непонятные каракули, выведенные стариковским почерком, поэтому я перевернула тетрадь и начала писать на первой странице с конца:

– *Русалки (7 шт)*

– *Лесовики (Скрипун и Лохматун)*

– *Баламут*

– *Светик*

– *Бадюля*

Успела записать это дурацкое имя, пока не забыла. Подумавав, добавила в список и Витальку – он же член нашей команды. Перепись населения была завершена. Теперь переключку будет делать проще, а то мало ли, кого и сама забуду.

Моя команда в этот день работала отвратительно. Баламуту я наказала насобирать речных цветов побольше, он все равно любил в ручье плюхаться. Надеялась хотя бы пол дня его не видеть, но дедуля приволокся назад уже через пять минут с огромной охапкой белых и желтых кувшинок. Было и правда здорово, но этот болтун, как приклеенный, прицепился к новенькому, и дальше парочка не расставалась.

Бадюля, как я наблюдала, успел же пообщаться со всеми –

не торопясь, тихонько, но все потом ходили странно задумчивые. Через полчаса русалки перестали собирать ягоды, на которые я их отправила, и уселись вокруг длинной, тощей фигуры. Новенький что-то рассказывал, поводя иногда руками. Я подошла и прислушалась.

Его речь лилась как ручеек – тихо, но очень связно. Он будто бы даже не рассказывал, а пел, сплетая из слов новые образы. Передо мной начала разворачиваться дорога, будто я сама ее проложила. Тропинка вела прочь из леса, ставшего моим домом, куда-то вдаль между холмами. Я вдруг подумала, как здорово было бы шагать по ней, не думая ни о чем. На ногах старые кроссовки, за плечами – холщовая котомка. Много ли мне на самом деле нужно? Вот только куда идти и зачем? Мозг услужливо подсказал: ведь есть проблема, которую я сама решить не могу. А вдруг где-то далеко-далеко, за семью холмами, за семью морями, найдется еще один путь на Ту Сторону, отыщется мой потерянный...

Стоп! Боль обожгла так внезапно, что помогла мне скинуть наваждение. Бадюля все еще наговаривал что-то – тихонько и распевно:

– За семь морей ходил я, за семь холмов. Котомка за плечами, хлебца чутка, да и все, много ли мне надо. А водица – она везде есть...

– В КАРАКУМАХ НЕТ!

Все подняли головы и уставились на меня, шурясь и моргая. Как будто в темной комнате внезапно включили свет.

– Я говорю, в пустыне Каракум и в Сахаре воды вообще нет, так что не ври! – пояснила я.

Моих надо было срочно вытягивать из этого наваждения. Парень-то, оказывается, был не так прост!

– Да кто же ты такой? – спросила я еще раз.

– Странник я, – ответил новенький. Брожу вот себе по свету. Ежели кого встречаю, с собой зову – вместе веселее.

– Понятно.

Я засмотрелась в светлые, будто пылью подернутые глаза и все поняла. Какой-то дух странствий, похоже. Не знаю, есть ли такие, но мне один вот достался.

– Слушай, Бадюля, давай договоримся. Ты тут кончай проповедовать, а то сманишь мне весь народ. Если хочешь уходить – уходи сам, один, понял?

– Понял, – ответил он спокойно.

Моя команда начинала потихоньку отходить от его песнопений. Все шевелились, отряхивались. Бадюля тоже встал и пошел к ручью, сухой и длинной фигуре было как будто тесно здесь. Я на секунду почувствовала, как мал наш лагерь и как огромен мир вокруг, но быстренько отмела эту мысль. Хватит уже баловаться. Я – новая Яга, начальник этой долбаной таможни, и мое место тут!

Я влезла ногой в лужу, которая натекла с Баламута, и чертыхнулась, не подумав. Кроссовок опять промок...

В моих давних воспоминаниях в подворотне было мокро и холодно. Ботинки промокли насквозь, но меня это абсолютно не заботило. Я тогда поймал себя на мысли, что за пятнадцать лет все-таки привык к новой судьбе и почти бес-смертному телу, пару раз даже от тяжелых ран спасался... Яга спасала. А уж о простудах и подавно не вспоминал. Я пил живую воду и ощущал себя лет на 25 или немного моложе.

Настёна вышла, наконец, из подъезда. Она была у друзей. В ярких окнах на первом этаже мелькали тени, слышалась музыка. Я ждал ее. Хотел проводить до дома, мало ли что.

Что будет, если «мало ли что» произойдет и мне придется ее защищать, я тогда не думал. Может, на самом деле, хотел ей открыться? Так хотел, что готов был полночи караулить в каменной кишке, продуваемой осенним ветром.

Торопливые каблучки зацокали по мокрому асфальту. Настёне уже исполнилось тридцать лет. Дни рождения она почему-то никогда не отмечала.

Я заметил, что из того же подъезда выскочил парень в сером костюме и припустил ей вслед. Похоже, сегодня все-таки понадобится моя помощь! Я выскользнул из подворотни. Парень догнал мою Настю и схватил ее за руку. Она выглядела скорее смущенной, чем испуганной. Я остановился, как вкопанный, вглядываясь в две фигуры в конце улицы. Па-

рень снял пиджак и накинул ей на плечи.

Кажется, мне не придется сегодня вмешиваться.

Бывшая почти невеста уходила от меня по темной и сырой улице с чужим парнем. Я зашагал следом. Его рука пристроилась на девичьем плече. Мой слух был невероятно чутким, да и в темноте я видел прекрасно, поэтому улавливал все происходящее отлично даже издали. Парню моя Настёна нравилась. А он ей? Пару раз она вежливо пыталась освободиться от его руки.

У ее... нашего подъезда девушка остановилась и отдала ухажеру пиджак. Парень топтался, пытаясь продлить прощание, а Таська, конечно, думала, что он ее просто так провожает. Я заметил, что мои ногти уже почти прорвали кожу на ладонях и разжал кулаки. Этот хлыщ явно не знал мою Настёну, раз так долго пытался напроситься к ней в гости.

Наша коммуналка была последним местом, куда молодая женщина могла бы пригласить мужчину, если бы захотела... даже если бы захотела. Длинный коридор, на полу которого можно было наткнуться на спящего дядю Севу, в конце – единственная на всех общая ванная. Комната у Настиной семьи была большая, но в ней жили пять человек: она сама, ее мама, старенькая бабушка и младшая сестренка, которая родилась в последний год войны. Был еще отец, но он умер пару лет назад, старые раны сказались.

Баба Маня уже не вставала. Я знал, что последние несколько месяцев она просто лежит и смотрит перед собой.

Тумбочка, полная лекарств, запах больницы и старости. Моей Настёне не очень-то весело жилось, но замуж она почему-то так и не вышла. Пока еще.

Парень, наконец, понял, что ему ничего не светит, и начал прощаться. Неожиданно он все-таки решился, обнял худенькую фигурку и на секунду поймал ее губы. Настёна вырвалась уже через секунду, я успел только полпути пролететь из своего укрытия. Старая массивная дверь хлопнула, по деревянной лестнице застучали рассерженные каблуки. Стиляга постоял еще немного, потом развернулся и зашагал по улице. Он прошел мимо меня, не обратив внимания.

Мне впервые хотелось разорвать кого-то на куски. Я всего лишь раз решился ее поцеловать – на прощание, перед отъездом. Ощущение мягкого живого тепла затем так часто возвращалось ко мне, что воспоминания, наверняка, уже изменились. Я затер их, пока переставлял из угла в угол в голове, крутил в пальцах, рассматривал с разных сторон. Эти воспоминания были последней мыслью моей человеческой жизни.

«Пятнадцать лет уже прошло, как я ушел из ее судьбы. Почему она не выходит замуж?» – поразился я вдруг, глядя на темные окна.

Настя все еще была красивейшей женщиной на свете, но я видел, с высоты своего непонятного существования, как жизнь беспощадно метит ее. Пара морщинок уже легла между бровями. За ними, наверное, последуют и другие, а я не смогу их разгладить... И даже видеть их не буду, потому что

больше не буду за ней следить! Пусть живет спокойно. Ей нужно найти кого-то живого, кто сможет прийти в ее комнату, а не только следить, как тать в ночи, перемещаясь между холодными домами.

Я знал, что дальше наблюдать за окном бессмысленно. Уже поздно, и она не будет зажигать свет, чтобы не беспокоить своих. У сестренки завтра экзамен в музыкальной школе, девочке надо выспаться. Пришлось уходить. Смотреть на ее темное окно было совсем невесело. Слишком тяжело видеть рядом свое собственное, в котором уже мелькают чужие люди. Война забрала меня не одного, а вместе со всей семьей. Я был последним из своего рода, а теперь уже и меня нет на этом свете.

* * *

Утренние лучи били косыми стрелами по листьям, разбрызгивались по лагерю. Я подошла к костровищу. Пора было приниматься за дело, мой черед готовить еду. Виталька вчера сварганил такую белиберду из макарон и картошки, что сегодня хотелось уже нормально поесть.

Я уныло ходила вокруг поленницы. Корявые сухие ветки были идеально сложены, тютельница в тютельница – это лесовики вчера постарались, мне удалось придумать для них прикольное занятие. Один из этих лохматых вдруг нарисовался ря-

дом и бросил в кучу еще несколько дровин. Они легли четко, куда надо, вписавшись по размеру и форме. Вот умелец! Жалко, что талант какой-то бестолковый.

Моя команда вообще поражала своей ненужностью. Ну вот, вроде бы, сказочные создания, должны уметь, что ни попадя, могли бы чудеса показывать... или для дела применять. Так ведь нет, одно сплошное недоразумение! Баламут – какой-то водяной недоделанный, с него только воды вечно натечет лужа, а единственное умение – к девчонкам приставать. Любым, причем, красавица или уродина – неважно.

Русалки после катастрофы с избушкой вообще мне нравиться перестали, хотя и раньше... Я вспомнила этих мертвячек на Той Стороне, как они пугали сначала, и как меня от любой опасности загораживал... Глубокий вдох-выдох помог справиться с неожиданной тоской, я переключилась на свою команду непутёвую, чтобы отвлечься.

Светка очень странная – не слишком-то красивая и вечно хмурая. Тоже мне, фея, совсем на настоящую не похожа! Хотя, кто из них на картинку из книжки похож? Лесовики немного. У моих, правда, вообще не разобрать, где руки, а где ноги. Зато они мастера прятаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.